

Глава 9. Опала

Три дня кряду в поместье Лунчжао зрел негласный заговор шёпота. Днём князь Цюй Луныцзюнь терпеливо обучал Цин И верховой езде, но едва сумерки опускались на усадьбу и слуги зажигали огни, он неизменно возвращался на ночлег в Терем Приюта Луны. Эта странность быстро превратилась в главную тему для сплетен среди дворни. О чудачествах князя судачили на каждом углу: шептались в дровяных сараях, шушукались у кухонных плит и даже у нужников. Слухи бурлили, точно вода в закрытом котле — крышка ещё сдерживала клототание, но наружу уже вовсю пробивался горячий пар.

Любители досужих сплетен развлекались как могли. Каждому хотелось прикоснуться к барской тайне, ведь такое развлечение не требовало трат. И мужчины, и женщины сошлись во мнении, что самым ценным источником новостей, не считая самого лекаря Е Юаня, стал Сяо Синцзы — слуга, подметавший Павильон Чистого Душистого Трутника.

— Эй, Сяо Синцзы, а ну шагай сюда! Расскажи брату, что там вчера стряслось? — повар Чжоу Дагуань шумно причмокнул жирными губами, только что умяв куриную гузку, прищурился и хлопнул парня тяжелой ладонью по плечу. — Мы ведь к тебе со всей душой. Выкладывай давай, без утайки, не то мигом познаешь вкус дубины!

— Братец Дагуань, милый ты мой, не губи! — запричитал Сяо Синцзы. — Куда нам, челяди, в барские дела соваться? Стоит языком лишний раз звякнуть, как в тот же миг вылету из поместья со всеми пожитками.

Сяо Синцзы уже исполнилось восемнадцать, но из-за сиротского голодного детства он выглядел от силы на пятнадцать лет — щуплый, невысокий, сущий воробей на фоне плечистого, бочкообразного Чжоу Дагуаня.

Чжоу Дагуань служил в поместье уже седьмой год. Для неграмотного мужика это был немалый срок. Не считая управителя, старого дяди Ци, прислуга почитала повара как старейшину и выказывала ему особое уважение. К тому же Дагуань отличался прямым нравом, не терпел чиновных церемоний, зла в душе не держал и частенько устраивал для своих небольшие пирушки с дешевым вином и нехитрой закуской. Неудивительно, что дворовые тянулись к нему и шли за советом.

— Ах ты, шельма малолетняя! — добродушно рявкнул Дагуань, отвесив парню легкий подзатыльник. — Мои угощения уплетал за обе щеки, а теперь скромника из себя строишь? Думаешь, те слухи из покоев сами собой по усадьбе разнеслись?

— Братец Чжоу... — Сяо Синцзы виновато улыбнулся. — То старые дела, пустяки. А сейчас время такое, что и пикнуть боязно.

— Это еще почему?

С наступлением темноты слуги обычно расходились по каморкам. Кто-то сразу ложился спать, но любители пропустить чарку-другую собирались вместе. В конце месяца, когда карманы пустели и на кости не оставалось ни медного гроша, дворня ютилась в тесной, тускло освещенной караулке, довольствуясь кухонными объедками и хмельными разговорами.

Простое любопытство — страшная сила. Короткий вопрос Дагуаня заставил всех присутствующих вытянуть шеи. Слуги сошлись над шатким столом в плотный кружок.

Сяо Синцзы скорчил заговорщическую мину и зашептал, округлив глаза:

— Князь... Князь уже три ночи не спит в Павильоне Чистого Душистого Трутника!

— Да ну? Врешь! — не выдержал один из помощников повара.

— Чтоб мне провалиться на этом месте! Сам видел.

— И что же ты видел, проныра? — Чжоу Дагуань снова шутливо пихнул парня в затылок. — Опять чепуху мелешь?

— Да истинную правду говорю, братец! Стоит в павильоне зажечь вечерние свечи, не проходит и получаса, как князь выходит наружу.

— Выходит? И куда идет? — не унимался Дагуань.

— А вот этого не знаю. Слышал только, будто в Тереме Приюта Луны почивать ложится.

— А отчего не в Тереме Сияющего Счастья? — подал голос другой слуга.

— Барские причуды, — философски заметил Сяо Синцзы. — Нам их умом не объять, и пытаться не стоит.

— Вот уж воистину: с жиру бесятся, — вздохнул старик, подметавший опавшие листья. — Была бы у меня баба, я бы из ее постели вообще не вылезал!

Дагуань отвесил ему крепкий пинок под зад:

— Ты сначала на свою харю свиную в лужу посмотри! Какая баба на тебя позарится? Тебе и за деньги никто не даст!

Грубая шутка вызвала взрыв хохота. Повар притянул Сяо Синцзы за воротник ближе к себе:

— Так ты что, видел, как князь с лекарем Е повздорили?

— Да нет, в том-то и дело. Днем они вместе на лошадях катаются, с виду все гладко, никакой размолвки.

— С чего же тогда по ночам в разные постели ложатся?

— Да как молодой господин Е вернулся, так все и началось.

За столом разгорелся жаркий спор.

— Слушай, Сяо Синцзы, — встрял кто-то из темноты. — А может, князю этот лекарь просто наскучил?

— Кто знает. Говорю же, не нашего ума дело.

— Или у нашего владыки новая пассия объявилась?

— Вряд ли. Князь за эти три дня из усадьбы выезжал только на утренний доклад во дворец, больше нигде не бывал.

— А я так скажу: точно завел кого-то на стороне! Скоро в Павильоне Чистого Душистого Трутника сменится жилец.

— И то верно. Как появилась в доме законная принцесса-консорт Чжао, так золотые деньки лекаря Е сразу к концу покатались.

— Всё гораздо проще, — подвел итог Чжоу Дагуань. Он лениво ковырял в зубах щепкой и почесывал волосатый живот под рубахой. — Этот лекарь больно уж привередлив в еде. Поначалу князю в диковинку было, а как пресытился — так и сказке конец. Спешут парня со счетов.

— Так значит... — загалдели слуги. — Значит, лекарь Е впал в опалу?

— А как иначе? Хоть он и знахарь знатный, да ни чина у него, ни звания, и силой обделен. На одной смазливой мордашке долго не продержишься. Рано или поздно это должно было случиться.

— Точно...

— Похоже на то.

В тот вечер Чжоу Дагуань открыл для себя новое звучное слово — «опала». Для неграмотного мужика с самого низа жизни это понятие, отдающее дворцовым блеском, казалось чем-то невероятно далеким. Но стоило ему произнести его вслух пару раз, как внутри разлилось приятное тепло. Ему казалось, что через это слово он сам становится причастен к таинственному, величавому миру господ. Чтобы подпитать это внезапное тщеславие, повар принялся усердно раздувать слухи о «немилости», в которую угодил лекарь.

Вскоре в поместье появилось новое развлечение. Слуги начали ставить на то, когда именно Е Юань покинет усадьбу. Чжоу Дагуань объявил себя держателем банка. На исход в пределах десяти дней ставки принимались один к четырем, на месяц — один к двум. Ставили все — и те, у кого водились деньги, и голь перекатная. Кто-то делал это из уважения к повару, кто-то — просто поддавшись общему безумию. Даже вечно голодный Сяо Синцзы выудил из-под стельки заветный медный грош и поставил на десять дней.

Князь Цюй Луныцзюнь, разумеется, замечал тайные шевеления в поместье Лунчжао. Однако сурово карать слуг за эти мелкие шалости он не спешил. Он знал: если хочешь, чтобы безрассудная чернь без колебаний отдавала за тебя жизни, завоевывать их преданность нужно умом, а не грубой силой. Страх и плети не дают долговечной верности. Поэтому князь лишь велел управителю, дяде Ци, приглядывать за поваром Дагуанем, чтобы тот не переходил черту, и строго-настрого запретил допускать, чтобы эти толки дошли до ушей Е Юаня.

Этот жест выдавал тайную тревогу самого князя. Как бы он ни пытался удержать Цин И, тот не останется в поместье надолго.

Слухи докатились даже до принцессы-консорт Чжао. Госпожа Лянь не скрывала своего злорадства и велела служанке Сян Цяо почаще крутиться возле Сяо Синцзы, чтобы выведать новые подробности барского разлада.

Ничего не подозревали лишь обитатели Павильона Чистого Душистого Трутника — сам Е Юань и его верный ученик Мань Юэ. На третий день этой тайной букмекерской лихорадки плотину молчания прорвало из-за обычной миски охлажденного супа из зеленой фасоли.

В тот день в полдень Цин И закончил тренировку на плацу и вернулся в павильон разгоряченным и утомленным от жажды.

— Мань Юэ, принеси-ка мне с кухни холодного отвара из зеленой фасоли.

— Хорошо, учитель! День сегодня жаркий. Вам положить сахарного песку?

— Совсем немного. Не люблю приторное.

— Слушаюсь! — Мань Юэ бодро выбежал во двор. У самых ворот он нос к носу столкнулся с Сяо Синцзы. По привычке он окликнул его: — Сяо Синцзы, поживее беги на кухню, принеси фасолевого отвара для учителя.

Мань Юэ даже не сомневался, что парень тут же бросится исполнять поручение. Прежде слуги дрались за право услужить лекарю Е, надеясь на щедрую плату или ответную милость. Но сегодня Сяо Синцзы даже не сдвинулся с места.

— Я занят, у меня работы по горло, — буркнул он, отвернувшись. — Сам сходи да возьми, не переломишься.

Слова были простыми, но тон — дерзким и вызывающим. Мань Юэ, будучи парнем грамотным и начитанным, отлично уловил скрытую издевку. Он опешил, вспыхнув от обиды.

— Ты... — Мань Юэ ткнул пальцем парню в лицо. — Ты что, белены объелся?!

— Чего расшумелся? Руки у меня делом заняты. Подумаешь, барин выискался — чашку отвара сам принести не может. Раз прислуживаешь лекарю, так и делай его работу, а на меня кричать не смей! — Сяо Синцзы вздернул нос и вывалил всю желчь, скопившуюся в душе.

Мань Юэ затрясся от злости и с силой топнул ногой:

— Ах ты, неблагодарный! Не стану я с тобой, дураком, связываться! Подумаешь, отвар! Сам принесу!

Он круто развернулся и зашагал в сторону кухонного двора. В спину ему полетел наглый смешок Сяо Синцзы, который построил вслед уходящему гнусную рожу.

Мань Юэ терпеть не мог ходить на кухню. Местные грубияны всякий раз норовили отпустить в его адрес какую-нибудь грязную шуточку, а он, не зная, как ответить на столь беспардонное скотство, возвращался в павильон с тяжелым сердцем.

Получив от ворот поворот от Сяо Синцзы, Мань Юэ подошел к кухне с опаской. Он долго топтался у порога, не решаясь войти. Не возвращаться же к учителю с пустыми руками только потому, что испугался кухонных остряков?

«Пусть болтают что хотят, — подбодрил себя парень, сжимая кулаки. — Я просто промолчу, сделаю вид, что не замечаю их. Самим надоест скалиться».

С этой мыслью он решительно шагнул к дверям.

Двери кухни были распахнуты настежь. Сквозь пар и копоть доносился зычный хохот.

— Ха-ха! Представляете, даже старый Гангпи с восточного двора вытащил из заначки два гроша и поставил их на кон! — гремел жирный, хриплый голос Чжоу Дагуаня.

— Да уж, знатную ты затею придумал, братец Чжоу! Весь двор теперь на ушах стоит.

— Впредь держись поближе ко мне, пацаны, и всегда будете при деньгах.

— Да куда нам... Такое везение бывает раз в жизни. Спасибо этому лекарю Е Юаню, удружил напоследок!

— Братец Чжоу, а ну как этот лекарь и через месяц из поместья не уберется? Что тогда делать будем?

— Не бывать этому! — отрезал повар.

— И то верно. Куда ему деваться? Князь к нему больше ни ногой, это верный знак. Опала, как есть опала!

Вслед за этим кухню сотряс дружный гогот.

Стоившему у порога Мань Юэ стало холодно. Кровь с шумом ударила в голову. Его чистый, благородный учитель, спасший столько жизней, стал предметом глумления для этой немытой оравы!

Потеряв над собой контроль, Мань Юэ ворвался в кухню и закричал во весь голос, указывая на опешивших мужиков:

— Ах вы, неблагодарные твари! Да как ваши грязные рты только смеют произносить имя моего учителя?!

Слуги от неожиданности притихли, но стоило им узнать в незваном госте щуплого ученика лекаря, как они издевательски ухмыльнулись. Мужики медленно, один за другим, поднялись со своих мест, обступая парня плотным кольцом.

— Ого, глядите-ка, кто к нам пожаловал! Сам маленький Мань Юэ! Давненько мы тебя не видели в наших краях! — оскалился один из поварят.

Мань Юэ, чья храбрость улетучилась так же быстро, как и вспыхнула, попятился к выходу. Сжавшись под их тяжелыми взглядами, он попытался вернуть голосу твердость:

— Вы... вы совсем страх потеряли! Вот пойду к князю, все ему расскажу, и он велит всыпать вам по паре десятков горячих палок!

— Ишь ты, напугал! — хмыкнул рослый кухонный мужик. — Да твой учитель больше не в

фаворе у князя! Думаешь, Его Высочество станет из-за него мारать руки о наши спины?

— Вот именно! Слышь, Мань Юэ, ты бы лучше по-хорошему шепнул нам, когда твой барин собирается паковать чемоданы?

— Да-да, колись!

— Мы ведь тут деньги поставили на то, что он до конца месяца съедет! Не подведи, парень!

— Да я лично две серебряных монеты зарядил! Не хотелось бы прогореть!

Кухня снова взорвалась издевательским хохотом.

Мань Юэ зашатался, земля уходила у него из-под ног. В глазах защипало от злых слез.

— Да как вы... как вы смее... — задыхаясь от бессильной ярости, пробормотал он, развернулся и со всех ног бросился вон со двора.

Вдогонку ему летели свист, улюлюканье и грубый хохот, которые ранили больно, словно плети. Мань Юэ не добежал до Павильона Чистого Душистого Трутника. Он свернул в глубь сада, забился в узкую расщелину за глухой декоративной горкой и там, спрятав лицо в ладонях, горько разрыдался.

Вволю выплакавшись и размазав грязь по лицу, он умылся холодной водой из пруда. Он понимал: показывать свои слезы учителю нельзя. Гордый Е Юань ни за что не перенесет подобного унижения, это разобьет ему сердце. Мань Юэ несколько раз заставил себя натянуто улыбнуться, глядя на свое отражение в воде, пока не убедился, что лицо приняло более-менее спокойный вид. Лишь после этого он поплелся назад. О фасолевом отваре он, конечно, напрочь забыл.

Стараясь не смотреть на Цин И, Мань Юэ тихо вошел в комнату. Хозяин павильона сидел за столом, сосредоточенно выводя иероглифы на бумаге. Не поднимая головы, он спросил:

— Ну и где мой отвар?

Мань Юэ замер у порога, растерянно теребя край рукава:

— Я... я... забыл его, учитель.

Цин И отложил кисть и внимательно посмотрел на ученика. Изменения на его лице было трудно не заметить.

— Что с тобой? Ты плакал?

— Нет! Что вы, вовсе нет! — поспешно возразил Мань Юэ, лихорадочно моргая покрасневшими глазами.

— Рассказывай сказки кому-нибудь другому, — Цин И поднялся из-за стола и подошел ближе. — Глаза опухли, как у кролика, нос красный, да еще и на рукаве следы от слез. Ну же, выкладывай, что случилось? Ушел здоровый, а вернулся сам не свой.

Прежний лекарь Е Юань обладал колючим нравом и редко подбирал мягкие слова, даже если искренне сопереживал чужой беде. На любые жалобы он обычно ворчал, обвиняя пострадавшего в глупости. Но Цин И был совсем другим. Мягкий, обходительный и чуткий, он превосходно умел находить подход к людям и успокаивать их — этот навык он до совершенства отточил благодаря деде Фэй Юй. Подобных чар было более чем достаточно, чтобы растопить сердце преданного ученика.

Мань Юэ и без того едва сдерживался, а от этой непривычной, теплой заботы его плотина окончательно рухнула. Слезы снова хлынули из глаз бурным ручьем.

— Они... они... — всхлипывая и задыхаясь, запричетал он. — О-о-о, учитель!..

— Ну-ну, тише. Поплачь, если нужно, а как успокоишься — всё мне расскажешь, — Цин И ласково погладил парня по плечу.

Никогда еще прежний Е Юань не был так добр к нему. Растроганный Мань Юэ готов был выложить учителю всю душу без остатка.

Спустя четверть часа, сквозь сбивчивый и путанный рассказ, Цин И наконец восстановил полную картину произошедшего.

— Ну и паршивцы, — покачал головой Цин И, выражая чувства ученика. Раз уж парень натерпелся обид, нужно было дать ему выпустить пар. — За такие слова их не мешало бы как следует проучить.

— Учитель... — Мань Юэ недоуменно уставился на него заплаканными глазами. Он никак не ожидал услышать столь простонародное ругательство от своего высокородного, утонченного наставника.

— Мань Юэ, хватай кисти, тушь и бумагу, — Цин И решительно поднялся, взял со стола изящный веер и с сухим щелчком распахнул его. — Мы идем проучить этих бездельников. Пришла пора отплатить им их же монетой!

<http://bllate.org/book/20580/2131994>